

О. Г. Усенко

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЛЖЕМОНАРХАХ В РОССИИ XVII ВЕКА

Задача нашего исследования – подытожить и уточнить уже известные данные о российских лжемонархах XVII в. и сообщить новые сведения.

Концептуальную основу работы составляет прежде всего тезис, что далеко не каждый индивид, называющий себя «царём» или «государем», подпадает под квалификацию «лжемонарх (псевдомонарх, самозванец монархического типа)» и что нельзя смешивать лжемонархов с лицами, повинными лишь в «непригожих речах», – с бахвалами и болтунами, которые если не забывали тут же о своих словесных притязаниях, то стыдились их и отнюдь не подкрепляли никакими поступками¹.

Критериями отнесения индивида к «*лжемонархам*» («самозванцам монархического типа») представляются:

1) публичное притязание на статус верховного правителя отдельного государства или члена высочайшей фамилии (в неё входят ближайшие родственники и свойственники монарха);

2) стремление получить соответствующие новому статусу властные полномочия: либо инкорпорироваться в высшие эшелоны официальной власти, либо создать свою собственную, автономную сферу властвования – сформировать группу сторонников и добиться того, чтобы они беспрекословно его слушались, т. е. вели себя как его «подданные».

«*Российскими*» следует, очевидно, считать лишь тех самозванцев, которые в своей мифической ипостаси не просто находились на территории Московского царства (по состоянию границ в данный период), но хотя бы недолго играли там свою роль, будучи на свободе. При этом неважно, каково было их реальное подданство (гражданство) и этническое происхождение.

Соответственно за рамки исследования выводятся лица, которые действовали только за границей (М. А. Молчанов, Я.-Ф. Луба, запорожский «царевич Иван Дмитриевич», И. Вергунёнок, молдавский «царевич Симеон Шуйский» и его польский, так сказать,

¹ См.: Усенко О. Г. Кто такой «самозванец»? // Вестник славянских культур. [М.], 2002. № 5–6. С. 39–51.

клон) или же оказались на территории Российского государства не по своей воле – под стражей (Т. Акиндинов)².

Кроме того, нужно исключить и российских подданных, произносивших «непригожие слова». Речь идёт о персонажах, которых неправомерно записали в самозванцы К. В. Чистов и П. В. Лукин³, а также о Г. Балееве, которого отнёс к лжемонархам Н. Н. Покровский⁴.

Да, Г. Балеев «назывался будто от роду Государева», но вот в какой ситуации прозвучало его заявление: 8 января 1699 г. «приходил де на караул х казне великого государя (на посольском дворе в Китае. – О. У.) х караулщиком... купчины Спиридона Лянгусова работной ево человек Гурька Балеев и бранил де ево всякою неподобною бранью... и говорил великое государево дело – непристойные слова... и похвалялся купчину Спиридона убить»⁵.

Нельзя согласиться и с причислением к самозванцам сына Лжедмитрия II и М.

Мнишек⁶. Нужно учитывать, что Ивана сызмальства воспитывали как царевича, и эта социальная роль была у него единственной. Но раз не было отказа от реального статуса в пользу мифического, то не было и самозванства⁷.

Точно так же следует исключить из категории лжемонархов И. М. Заруцкого, который, по версии С. М. Соловьёва, будучи в

² См. о них: *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994. С. 318–321, 324–325; *Соловьёв С. М.* Соч.: В 18 кн. М., 1989. Кн. 4. С. 392, 452–454, 462, 474–475; М., 1990. Кн. 5. С. 148–149, 235–236, 445–448, 542–548, 583–587; *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова (1606–1607). Л., 1951. С. 102–105, 138–143, 168–170; *Тюменцев И. О.* Русские самозванцы 1606–1607 годов и народная религиозность // Средневековое Православие от прихода до патриархата. Волгоград, 1998. Вып. 2. С. 223–238; *Он же.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 61–87; *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. С. 66–67, 70–76; *Троицкий С. М.* Самозванцы в России XVII–XVIII веков // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 144–145; *Лукин П. В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 106–107; *Симченко Ю. Б.* Лжешуйский II: Православный, мусульманин, католик, протестант // Русские: Историко-этнографические очерки. М., 1997. С. 14–41; *Bercé Y.-M.* Le roi caché: Sauveurs et imposteurs. P., 1990. P. 129–132; *Szvák G.* False tsars. Boulder; Wayne, 2000. P. 47–59.

³ *Чистов К. В.* Указ. соч. С. 121, 129–130; *Лукин П. В.* Указ. соч. С. 112–163.

⁴ *Покровский Н. Н.* Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII – середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 51–52.

⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 3. Д. 1423. Л. 9.

⁶ См.: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 337, 352; *Логина А. С.* Провинциальные «лжецаревичи» Смутного времени и отражение самозванчества в русской общественной мысли первой трети XVII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2004. С. 4, 16.

⁷ См.: *Чистов К. В.* Указ. соч. С. 65–66.

[с. 120]

Астрахани (осень 1613 – весна 1614 г.), выдавал себя за «царя Дмитрия». Дело в том, что историк произвольно связывает с личностью атамана некую челобитную «от 1614 года... с обращением к царю Димитрию Ивановичу, царице Марии Юрьевне и царевичу Ивану Димитриевичу»⁸. На самом она была написана ранее 1614 г. и, быть может, ещё до появления И. Заруцкого в Астрахани. Но даже если она писалась для подачи именно Заруцкому, это ещё не значит, что он стал очередным Лжедмитрием. Во-первых, осенью 1613 г. на Дону, а вполне возможно, и в низовьях Волги прошла молва, что царь Дмитрий жив и пребывает в Персии. Во-вторых, источники сообщают нам довольно много сведений о жизни И. Заруцкого в Астрахани, но не содержат прямых указаний на то, что он взял новое имя и царский статус. Будь это так, то московское правительство уж не преминуло бы заклеить его как самозванца⁹.

Теперь перечислим самозванцев, уже известных по литературе (в квадратных скобках указан период пребывания лжемонарха в его мифической ипостаси на российской территории – время от его «проявления» до разоблачения, а если такового не было, то до смерти или отъезда за границу; знак вопроса означает гипотетичность данных):

1. «Царевич Дмитрий Иванович, сын царя Ивана IV», он же Лжедмитрий I [13 октября 1604 – 17 мая 1606] – предположительно Григорий (в миру Юрий Богданов сын Отрепьев), беглый монах¹⁰.

2. «Царевич Пётр, сын царя Фёдора Ивановича» [зима 1605/1606 – 10 октября 1607] –

Илья (Илейка) Иванов сын Коровин (Горчаков), по прозвищу Муромец, терский казак¹¹.

⁸ Соловьёв С. М. Соч. Кн. 5. С. 23. См. также: Чистов К. В. Указ. соч. С. 64–65.

⁹ См.: Соловьёв С. М. Соч. Кн. 5. С. 19–26; Костомаров Н. И. Смутное время... С. 770–777; Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. М., 1990. С. 76–78; Бернадский В. Н. Конец Заруцкого // Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та. 1939. Т. 19. С. 88–128.

¹⁰ См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 56–273; Соловьёв С. М. Соч. Кн. 4. С. 390–442; Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 162–191; Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987; Васильев П. П. Тайны русской истории конца XVI – начала XVII в. М., 1990. С. 83–141.

¹¹ См.: Соловьёв С. М. Соч. Кн. 4. С. 435–436, 462–469; Смирнов И. И. Указ. соч. С. 172–193, 365–492; Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966. С. 36–88; Тюменцев И. О. Русские самозванцы... С. 213–221, 239–241, 249; Он же. Смута в России... С. 54–61, 73–79, 99–100; Perrie M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995. P. 90–97, 133–144, 147–153, 163–164, 168–181; Eadem. Pretenders in the Name of the Tsar: Cossack «Tsareviches» in Seventeenth-Century Russia // Von Moskau nach St. Petersburg: Das russische Reich im 17. Jahrhundert. Wiesbaden, 2000. P. 244–246.

[с. 121]

3. «Царевич Иван, по прозвищу Август, сын царя Ивана IV» [лето 1606 – лето/осень 1608] – предположительно «вольный» казак¹².

4. «Царевич Фёдор, сын царя Фёдора Ивановича» [лето 1606 ? – перед 14 апреля 1608] – предположительно «вольный» казак¹³.

5. «Царь Дмитрий Иванович», он же Лжедмитрий II [12 июля 1607 – 11 декабря 1610] – предположительно школьный учитель, бежавший из Речи Посполитой¹⁴.

6. «Царевич Лаврентий (Лавр, Лавёр), сын царевича Ивана Ивановича» [осень 1607/начало 1608 ? – лето/осень 1608] – предположительно «вольный» казак¹⁵.

7–13. «Царевичи, сыновья царя Фёдора Ивановича» – Клементий, Савелий, Симеон, Василий, Ерошка (Ерофей), Гаврилка (Гавриил), Мартынка (Мартын) [1607 ? – лето/осень 1608 ?] – предположительно «вольные» казаки¹⁶.

14. «Царевич Осиновик, сын царевича Ивана Ивановича» [зима/весна ? – лето 1608] – предположительно «вольный» казак¹⁷.

15. «Царь Дмитрий Иванович», он же Лжедмитрий III [начало 1611 – 20 мая 1612] – предположительно Сидор (Исидор, Сидорка) или Матвей (Матюшка), беглый дьякон или дьяк¹⁸.

¹² См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 452–453; Смирнов И. И. Указ. соч. С. 244–253; Тюменцев И. О. Смута в России... С. 60; Perrie M. Pretenders and Popular Monarchism... P. 131–135, 175–176, 179–181; Eadem. Pretenders in the Name of the Tsar... P. 246–247; Усенко О. Г. 17 самозванцев у русского трона // Родина. [М.], 2004. № 5. С. 68.

¹³ См.: Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 230; Тюменцев И. О. Смута в России... С. 112; Perrie M. Pretenders and Popular Monarchism... P. 174–178; Eadem. Pretenders in the Name of the Tsar... P. 247.

¹⁴ См.: Соловьёв С. М. Соч. кн. 4. С. 456–600; Платонов С. Ф. Указ. соч. С. 228–289; Тюменцев И. О. Русские самозванцы... С. 241–252; Он же. Смута в России... С. 79 сл.; Perrie M. Pretenders and Popular Monarchism... P. 133–134, 157–228, 239–250.

¹⁵ См.: Костомаров Н. И. Смутное время... С. 452–453; Смирнов И. И. Указ. соч. С. 244–246, 253; Тюменцев И. О. Смута в России... С. 60; Perrie M. Pretenders and Popular Monarchism... P. 176–181; Eadem. Pretenders in the Name of the Tsar... P. 246–247.

¹⁶ См.: *Соловьёв С. М.* Соч. Кн. 4. С. 469; *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 214; *Тюменцев И. О.* Смута в России... С. 60; *Perrie M.* Pretenders and Popular Monarchism... P. 176–178; *Eadem.* Pretenders in the Name of the Tsar... P. 247.

¹⁷ См.: *Костомаров Н. И.* Смутное время... С. 452; *Смирнов И. И.* Указ. соч. С. 244, 253; *Тюменцев И.О.* Смута в России... С. 60; *Perrie M.* Pretenders and Popular Monarchism... P. 176–179; *Eadem.* Pretenders in the Name of the Tsar... P. 247.

¹⁸ См.: *Щербатов М. М.* Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774. С. 173–177; *Костомаров Н. И.* Смутное время... С. 699–701, 738; *Соловьёв С. М.* Соч. Кн. 4. С. 634, 646–649; Кн. 5. С. 329–330; *Евгений (Болховитинов).* История княжества Псковского. Киев, 1831. Ч. 1. С. 263–271; *Perrie M.* Pretenders and Popular Monarchism... P. 211–217.

[с. 122]

16. «Царь Дмитрий Иванович», он же Лжедмитрий IV [1611 ? – начало ? 1612]¹⁹.

17. «Султан Ахия (Иахия, Якия), в крещении – Александр, великий князь Оттоманский, сын турецкого султана Магомета III» [2 декабря 1625 – май ? 1626] – иноземец, путешественник²⁰.

18. «Царевич Иван, сын царя Дмитрия Ивановича» [между 13 июля 1645 и 30 января 1676] – бродяга²¹.

19. «Царевич Алексей, сын царя Алексея Михайловича» [август ? 1670 – перед 6 июня ? 1671] – предположительно бродяга²².

20. «Царевич Алексей, сын царя Алексея Михайловича» [1/12 августа – 2/11 октября 1671] – Иван Алексеев сын Клеопин, путешествующий дворянин²³.

21. «Царевич Симеон, сын царя Алексея Михайловича» [сентябрь/ноябрь ? 1673 – 17 сентября 1674] – Семён Иванов сын Воробьёв, «вольный» казак²⁴.

22. «Царевич Матвей Леонтьев, по прозвищу Дедионов или Дидьянец, сын царя Мегрелии Левана II Дадиани» [1681/начало 1682 ? – 14 июня 1682] – иноземец на положении высокого гостя²⁵.

¹⁹ См.: *Соловьёв С. М.* Соч. Кн. 4. С. 645; *Чистов К. В.* Указ. соч. С. 64; *Perrie M.* Pretenders and Popular Monarchism... P. 176.

²⁰ См.: *Соловьёв С. М.* Соч. Кн. 5. С. 424–428; *Макушев В. В.* Болгария под турецким владычеством, преимущественно в XV и XVI веках // Журнал Министерства народного просвещения. 1872. № 10 (октябрь). С. 324; *Кулиш П. А.* Материалы для истории воссоединения Руси. М., 1877. Т. 1. С. 148–153, 157–286 (источники опубликованы со множеством неточностей и пропусков).

²¹ К сожалению, информация о нём имеется лишь такая: «в царствование Алексея Михайловича в Москве был повешен некий безымянный бродяга, также выдававший себя за сына царя Дмитрия и Марины» (*Думин С.* Царица Марина // Родина. 1994. № 5. С. 55).

²² См.: *Щербатов М. М.* Указ. соч. С. 189–197; *Соловьёв С. М.* Заметки о самозванцах в России // Русский архив. 1868. Т. 2. Стб. 271; *Он же.* Соч. М., 1991. Кн. 6. С. 298–299; *Тхоржевский С. И.* Стенька Разин. Пг., 1923. С. 83; *Троицкий С. М.* Указ. соч. С. 139; *Чистякова Е. В., Соловьёв В. М.* Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 54–56; *Усенко О. Г.* Об отношении народных масс к царю Алексею Михайловичу // Царь и общество в русском общественном сознании. М., 1999. С. 84–89; *Perrie M.* Pretenders in the Name of the Tsar... P. 249–252.

²³ См.: *Соловьёв С. М.* Соч. М., 1991. Кн. 7. С. 128–129; *Он же.* Самозванец Ивашка Клеопин // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1860. Кн. 1. Отдел V. С. 1–2; *Лукин П. В.* Указ. соч. С. 124–125.

²⁴ См.: *Соловьёв С. М.* Соч. Кн. 6. С. 440–446, 453–455, 458–459; *Костомаров Н. И.* Самозванец лже-царевич Симеон // *Он же.* Самозванцы и пророки: Исторические монографии и исследования. М., 1997. С. 172–199; *Perrie M.* Pretenders in the Name of the Tsar... P. 252–253.

²⁵ См.: *Соловьёв С. М.* Соч. Кн. 7. С. 280, 323–324; *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. С. 79–80; *Аристов Н. Я.* Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны. Варшава, 1871. С. XXII–XXIII, прим. 86; *Козловский И. П.* Сильвестр Медведев: Очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII века. Киев, 1895. Приложение. С. 97–98; *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 267, 371; *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 205–206.

[с. 123]

23. «Побочный сын польского короля Яна Собеского» [1682/1683 ?] – Бризасье (Brisacier), французский подданный, путешественник²⁶.

24. «Царевич Иван, сын царя Ивана IV» [21–25 октября 1690] – Иван Васильев сын, бродяга²⁷.

25. «Первый капитан Преображенского полка Пётр Алексеев», т. е. царь Пётр I [7–30 января 1697] – Тимофей Евтифеев сын Кобылкин, путешествующий посадский человек²⁸.

Приведённый перечень целесообразно снабдить комментариями и дополнениями. Оговоримся вначале относительно Бризасье. Мы знаем, что за границей он изображал особу королевской крови, но не знаем точно, продолжилась ли эта мистификация после его приезда в Россию. Скорее всего, продолжилась, но данное утверждение доказать пока нельзя – увы, на этот счёт первоисточник (мемуары аббата Ф.-Т. де Шуази) не сообщает ничего определённого²⁹.

Перейдём к разговору о Лжедмитрии IV. Единственное упоминание о нём содержат грамоты, посланные в январе 1612 г. в Кострому и Ярославль московскими боярами – сторонниками польского королевича Владислава. В этих грамотах после обличения «Псковского вора» (Лжедмитрия III) сообщалось: «...А другой вор, также Димитрий, объявился в Астрахани у князя Петра Урусова, который калужского убил»³⁰.

Можно полагать, что этот самозванец был ставленником татарского князя, который таким способом пытался избежать возможной мести со стороны донских и волжских казаков за убийство Лжедмитрия II. Кроме того, данное лицо мы можем предположительно отождествить с тем самым Гурием, который в «Плаче о пленении и конечном разорении Московского государства» (1612 г.) фигурирует как самозванный царевич наряду с «Иваном-Августом» и «Лавром». Это произведение было написано, вероятно, в Казани, поэтому логично заключить, что оно говорит лишь о волжских самозванцах, каковыми, собственно, и были «Иван-Август» и «Лавр». Причём эти двое называются именно в том порядке,

²⁶ См.: *Строев А. Ф.* «Те, кто поправляет Фортуну»: Авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 250–251.

²⁷ См.: *Лукин П. В.* Указ. соч. С. 125–127 (в цитатах из источников много ошибок).

²⁸ См.: *Соловьёв С. М.* Соч. Кн. 7. С. 563; *Чистов К. В.* Указ. соч. С. 113; *Лукин П. В.* Указ. соч. С. 128–134 (в цитатах из источников много ошибок).

²⁹ См.: *Choisy, l'abbé de.* Mémoires pour servir a l'histoire de Louis XIV. Utrecht, 1727. Т. 2. P. 176–184.

³⁰ *Соловьёв С. М.* Соч. Кн. 4. С. 645.

[с. 124]

как они и «проявлялись». Гурий же упомянут последним, значит он стал «царевичем» позднее их³¹.

Остановимся теперь на соратнике С. Разина – «царевиче Алексее». Среди архивных материалов удалось обнаружить новую информацию о нём. Её сохранило предание, существовавшее более 70 лет и частично зафиксированное в начале 1759 г., когда один из его «разгласителей» – крестьянин Кадомского уезда С. Афонасьев – попал в Тайную канцелярию. На допросе тот сообщил: «Тому де назад лет з десять... как жил он, Афонасьев, в означенном селе Селище, и тогда де того села крестьянин Март[ын] Нечаев (которой тому лет з десять умре), будучи в поле при пазбе лошадей, в разговорах... сказывал ему, Афонасьеву, наодине [без] свидетелей слова такие, что де разбойник Стенка Разин з государем (а с которым государем, не выговорил) вместе воровал и будто оной Стенка того государя бил и за волосы драл»³².

Конечно, достоверность этого известия может быть подвергнута сомнению. Но я склонен считать, что историческая память народа сохранила реальный факт из истории разинщины. Однако вряд ли правильно думать, что Степан Разин постоянно унижал самозванца, – тогда он просто не мог бы привлекать к себе людей, ведь они должны были верить, что служат настоящему царевичу³³. Непочтительное поведение Разина вполне могло быть его первой и спонтанной реакцией на «проявление» самозванца при их знакомстве – на слова, что атаман видит перед собой не простого человека, а наследника престола, чудесным образом ускользнувшего от бояр-изменников.

Надо сказать, что в России XVII–XVIII вв. откровения лжемонархов о себе не раз вызывали реакцию, подобную разинской. В качестве примера подходит случай с Ф. Казиным-Богомоловым, который в 1772 г. под именем Петра III поднял часть волжских казаков на восстание. Один из арестованных офицеров потребовал встречи с «императором» и, когда его подвели к Богомолову, набросился на него и стал бить, называя самозванцем и требуя взять его под караул. Эффект был столь сильным, что казаки отступились от Лжепетра и сами же заковали его в кандалы³⁴.

Тщательное изучение опубликованных и архивных источников позволило включить в список российских лжемонархов XVII в. ещё четырёх человек.

³¹ См.: Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 138–139, 566.

³² РГАДА. Ф. 7. Оп. 3. Картон 344. Д. 792. Л. 1 об. –2.

³³ См.: Усенко О. Г. Об отношении народных масс... С. 78–88.

³⁴ Мордовцев Д. Л. Самозванцы и понизовая вольница. СПб., 1886. Т. 1. С. 88–89.

1. «Московский царевич», предположительно – «Иван, сын царя Дмитрия Ивановича и царицы Марии Юрьевны» [вторая половина июня 1641 – начало 1642 ?] – Мануил Сеферов (?) сын, по прозвищу Дербинский, польский подданный, арестант.

Этот самозванец интересен своей, так сказать, скромностью – тем, что в России о своих притязаниях открыто не заявлял, а только намекал³⁵. Хотя в источниках нет явных указаний на то, что он и ранее – в Польше – выдавал себя за царевича, причём открыто, тем не менее об этом свидетельствуют его близкие отношения с польским королём и знатью, а также «знаки» на его теле, которые в России были квалифицированы как «царские» (см. ниже).

Российскому правительству он стал известен 12 июня 1641 г., когда в Москву прибыла «станица» с Дона, которая и передала его властям. Из «войсковой отписки» и «роспросных речей» казаков следовало, что Мануил появился на Дону осенью 1640 г. и представился армянином, вышедшим из турецкого плена. Сначала он жил в Маныче («Маночском городке»), потом перешёл в Азов, где провёл зиму и где «учал на кабаках пит, и зернью играт, и ясыр себе на постелю покупати». Растратив свой запас «червонных золотых», Мануил влез в долги, но не смог их оплатить. Весной (вероятно, в марте) 1641 г. кредиторы

«учали его бит на правеже», и тут он заявил о своей неприкосновенности: «И он де сказался литвин, а послан де он от полского короля к Сефий-шаху персицкому з грамотою, а велено де ему идти на Азов, а из Азова идти в Кизыл-башу (государство Сефевидов. – *О. У.*) с шаховым послем, которой приезжал в Азов к атаманом и х казаком от шаха». В подтверждение своих слов Мануил предъявил «литовского короля семь листов за глухими печатми». Тем не менее казаки ему не поверили – «чаяли того, что он лазутчик», почему и отправили под караулом в Москву. Уже после отъезда «станицы» Азов посетили посланцы короля с просьбой, чтобы казаки «тово поляка, которой послан от него к шаху персицкому, пропустили его в Кизыл-башу или б отпустили его в Полшу. И атаманы де и казаки тем королевским посланцом отказали, что им того поляка без государева указа из Азова никуды отпустит немочно...»³⁶

На допросах (с 12 июня по 2 сентября 1641 г.) арестант сообщил о себе, что «родом арменин, Мануилом зовут, отец де ево и мать жили в Астарахани, а держали веру арменскую, а он де, Мануйло, родился в Астарахани». Его отец был «армянин торговой

³⁵ Подобным «скромником» был В. Бунин, который в 1787–1788 гг. изображал Петра III, ни разу открыто не назвавшись этим именем. «Разглашала» о нём его напарница – М. Тюменева (см.: *Усенко О. Г.* Кто такой «самозванец»? С. 45).

³⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13 (Столбцы Приказного стола). Д. 152. Л. 5, 11–12, 19, 79–82.

человек, имя ему по-армянски Сефер, а по-русски Сергей... и ево де знали русские многие люди, что отец был богат и честен». В Астрахань «отец ево переехал ис Кизыл-баш..., а в Кизыл-башех де он у шаха был чесной человек». Отправившись обратно в Персию, отец взял с собою малолетнего Мануила «для грамотного ученья и в Кизыл-башех отдал ево учит грамоте. А учился он грамоте три годы, и как отец ево в Кизыл-башех умер, и его ис Кизыл-башские земли свезли во Царь-город торговые люди»³⁷.

Если верить Мануилу, он побывал «в розных государьствах и грамотам и языком многим научен»; «а языком де он умеет арменским, кизыл-баским (видимо, фарси. – *О. У.*), туретцким, венгерским, волосским, полским, нагайским и крымским языком»³⁸.

В Стамбул Мануил приехал, насколько можно высчитать на основе его показаний, в 1621 или 1622 г. Прожил он там «лет с пят». Возможно, именно в Стамбуле родилась у него идея выдать себя за «московского царевича». Ради этого он выколол у себя на груди загадочное слово «арменским писмом» под титлом, а на руках сделал особые «знаки». В материалах следствия они описаны с вариациями: «на правой руке знамя – крест начерчен син[ь]ю, да на правой же руке и на левой на запяст[ь]е жжено, да у левой же руки на мышке пятно черновато, кабы што жжено»; «на руках на обеих кресты написаны и подле крестов клейма выжжены», а «у левова плеча вызжен арёл»³⁹.

Около 1626/1627 г. будущий лжемонарх «из Царя-города с торговыми людьми приехал в Полшу» и не покидал её 12 лет. Там он встретился с коронным гетманом С. Концепольским и, видимо, сумел убедить его в своём высоком происхождении. После этого «многое де время жил он при гетмане» и «служил» ему, причём тот «звал его Мануйлом Дербинским». Однажды «был карол полской в гостях на пиру у гетмана Концеполскова, и он де, увидя ево, Манушку, и розспрося де про нево гетмана, какой он человек, и у гетмана де Концеполскова выпросил ево, Манушку, карол, и был де он при карале» («И Концеполской отдал ево королю, и он служил королю»)⁴⁰. В 1639 г. Мануил познакомился с другим самозванцем – «царевичем Симеоном Васильевичем Шуйским». И «знал де он тово вора... с полгода», более того, «ему де, Манушке, он другом учинился»⁴¹.

«И как послан был от полского короля к Сефий-шаху персицкому посланник Шемберек

(очевидно, Шемберг. – *О. У.*), и он

³⁷ Там же. Л. 13, 44, 49, 61.

³⁸ Там же. Л. 35, 61.

³⁹ Там же. Л. 13, 40, 58–59, 61.

⁴⁰ Там же. Л. 13–14, 61.

⁴¹ Там же. Л. 41–43, 45–47, 57, 63.

[с. 127]

поехал ис Полши с тем посланником в Кизыл-баша. А ис Кизыл-башские земли отпустил ево посланник к полскому королю з грамотою через Царь-город с торговыми людми, да с ним же послана была х королю шахова грамота. И как де он в Полшу х королю приехал, и корол де ево за тое службу пожаловал: велел его испоместит из своих сёл [в] Варшавском повете. А как де полскому королю учинилос ведомо, что посланника ево Шемберека на дороге воры убили буйнацкие люди, и – тому де ныне девятой месяц – послал ево корол из Варшавы к Сефий-шаху персицкому з грамотою, а отпустит было ево хотел через Московское государство, а об ево отпуске хотел было с ним послат ко государю свою королевскую грамоту. И как де королю ведомо учинилос от запорожских казаков, что пришел в Азов кизыл-башской посол, и корол де его через Московское государство послат не изволил, а послал ево в Азов для того, чтоб ему застат в Азове кизыл-башского посла и с тем послом из Азова ехат к шаху с королевскими грамоты. <...> А грамоты с ним от короля в Азов к атаманом и х казаком не было, а послал де с ним грамоту к шахову послу Конецполской, чтоб он из Азова взял с собою. И как де он в Азов приехал, и кизыл-башского де посла в Азове не застал, а ведомо ему про него учинилос, что тот посол на Терке. И он де ту грамоту послал к тому шахову послу на Терек... А в Азове де он атаманом и казаком не сказался для того, что об нём от короля грамоты не было»⁴².

Перед отъездом из Варшавы Мануил был на королевской аудиенции: «отпустил де ево полской Владислав корол к шаху перситцкому с листами сам, да при короле ж де в то время, как ево корол отпускал, были и сенатари. И приказывал ему, Мануйлику, корол Владислав шаху поклон правит и чтоб шах с ним, королём, был в братцкой дружбе и в ссылке. Да Владислав же корол к шаху с ним, с Мануйликом, приказывал: будет турской салтан пойдёт на нево, на короля, и перситцкой бы шах в то время шол на турсково, а будет де турской салтан пойдёт на шаха, и он де, корол, в то время пойдёт на турсково салтана и учнёт де ему, шаху, в то время на полской корол на турсково помогат»⁴³.

По всей видимости, российские власти поначалу подозревали Мануила в шпионаже. Но характер подозрений изменило найденное у него 17 июня письмо, которое, как он после заявил, адресовалось его родственникам в Астрахань. Оно было написано по-армянски, начиналось церковными молитвами, а затем шёл такой текст (цитируется в переводе):

⁴² Там же. Л. 14–18.

⁴³ Там же. Л. 38–39, 53–54.

[с. 128]

«Здоровье моё от земли до небес вам. А я в кручине и в поиман[ь]е, а спрашивают: "Откуды де ты едеш? Государю де ты изменник". А того у меня не спрашивают, откуды я и где родина моя (весьма странный пассаж, если учесть, что он уже отвечал на такие вопросы. – *О. У.*). И вам бы, приехав, бит челом государю со слезами о моей голове и про меня учинит

ведомо, как я взят (не намёк ли это на то, что он приёмный ребёнок? – *О. У.*) и где я родился и каков я к вам близок. А мне здес не верят, и посадили в тесную тюрьму, и пить и есть мне дают из скаредных судов. И вам бы не поплошитца – порадет о мне спешно и учинит про меня ведомо. А мне быт истратену внапрасне – потому: чают меня чюжим человеком. И вам бы меня избавить от сее беды. А я приехал чистым сердцем и в добром здоровье. И привезли к Москве, а на Москве чаял себе, что в раю, всякого добра, ажно меня засадили. И вам бы, приехав, о мне бит челом государю, чтоб мне внапрасне не погинуть. Аз было обрадовался тому, что в свою землю бог вынес ис полону, ажно горче того бог попустил меня на скорбные беды»⁴⁴.

Во второй половине июня 1641 г., будучи под стражей в доме С. В. Волынского, Мануил начал и устно намекать на свой высокий статус. Как донёс его «пристав», он «в розговорех де себя обышным простым человеком называт не велит и с людми ево за то бранитца», при этом сказывается «чесног[о] отца сын». С. Волынский также сообщил, что «у тово колодника на теле на грудях и на руках письмо неведомо какое»⁴⁵.

Давая объяснения следователям (9 августа и 2 сентября), самозванец говорил, что на груди у него наколото иглой и «написано красками» его имя, причём сначала сообщил, что это дело рук его матери, а потом сказал, что это сделала «во Царе-городе девка, любя ево». Что касается «знаков», то «крест учинён на руке для тово, что в Кизыл-башех крестов не носят, и он де, Мануйлик, на себе крест назнаменовал, чтоб ему без креста не быт и чтоб тот крест на нём был не знатен, а на руках де у нево зжено для счастья...», причём «то де всё зделал он, Мануйлик, сам про девкино здоров[ь]е, любя её». Наконец, «а что у нево на мышке пятно, и в том де месте ево укусила девка»⁴⁶.

В частных же беседах за чаркой вина (между 2 сентября и 20 ноября 1641 г.) Мануил поведал своему «приставу» нечто иное: «В арменском де их абычье тово нет, что токие признаки делат, каторые на нём признаки. А на груди де написано имя ево,

⁴⁴ Там же. Л. 21, 26–29, 55.

⁴⁵ Там же. Л. 36, 44.

⁴⁶ Там же. Л. 40–41, 48, 56.

Манушкино, а у плеча де напечатон арёл, а на руках де кресты для тово, что он крестьянской (христианской. – *О. У.*) природы». При этом самозванец добавил, что «тово де он не ведоет и не помнит, как те на нём признаки учинены, – как де почал разумет издеска, а те де признаки на нём...»⁴⁷ Здесь явно виден след фольклорных представлений о том, что подлинный – богоизбранный – монарх с рождения носит на себе некие «царские знаки»⁴⁸.

Относительно же татуировки на груди Мануила С. Волынский 20 ноября доносил царю следующее: «А про письмо мне, холопу твоему, сказал, что у нево на груди написаны те слова арменским писмом: первое слово *мен*, по-русски *мыслете*, другое слова *аип*, третее слова *ген*, а написаны ане под титлою – в одном слове всё именован[ь]е. Кто де разумеет то письмо под титлою, и в тех де во всех словах по именован[ь]ю. И я, холоп твой, допрашивал ево, кое именован[ь]е *мен*. И он мне, холопу твоему, сказал: "*Мен* – с тово слова *Мануйло*, и на иное де именован[ь]е превратит, как хто уразумеет". И я, холоп твой, служа тебе, государю, хотя ево завод выведат подлинно, говорил ему: "*С* тово ж слова с первова – *Мануйло* и *Московской*". И он сказал мне, холопу твоему: "Как де к чему хто снатет вразумлят, и к тому де пристойт". И допрашивал я, холоп твой, ево, Манушку, чтоб он мне сказал и про те два слова. И он мне сказал: "А в тех де двух словах по именован[ь]ю скажу де впред и про те слова, что в них именовал я, а топере де я пьян – не умет розказат". И покочав головою, сказал мне, холопу твоему: "Не топерешнее де дело – в тех де словах многое именован[ь]е,

нечево де а том и говорит и сказыват до времени. Когда де будет время, тогда и дело"».

Самозванец также попытался привлечь «пристава» на свою сторону, пообещав ему: «Будет де ты мне зделоеш дабро, и как де меня Бог помилует, и я де тебе добро учиню». Когда же С. Волынский спросил, не обманет ли он его, Мануил поклялся выполнить обещание. В доносе «пристава» сказано: «И он мне, холопу твоему, дал руку, что во всём добро мне делат, как де ево Бог из вязней свободит. А говорил многожды ко многим розговорным словам: "И лутчей де мне боярин не верста"».

С. Волынский поделился с царём и такими размышлениями: «На што было коралю такой человек? Много у короля и отческих

⁴⁷ Там же. Л. 60.

⁴⁸ См.: *Костомаров Н. И.* Самозванец лже-царевич Симеон. С. 198; *Чистов К. В.* Указ. соч. С. 31, 66–67, 71, 118, 126, 144, 148–149; *Успенский Б. А.* Избр. труды. М., 1994. Т. 1. С. 80–81; *Лукин П. В.* Указ. соч. С. 106–107; *Усенко О. Г.* Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. // *Россия в XVIII столетии.* М., 2004. Вып. 2. С. 340.

[с. 130]

детей живут при нём, а такому, государь, страдничью сыну доведётца л по своей природе жит при короле?» В результате он пришёл к выводу, что Мануил – самозванец монархического типа. «Пристав» ошибся лишь в том, что посчитал, будто Мануил и был тем самым «Симеоном Шуйским», о пребывании которого в Польше знало московское правительство⁴⁹.

Чем кончилось дело, неизвестно. Однако можно предполагать, что в декабре 1641 или в начале 1642 г. Мануила казнили или же, наказав кнутом, сослали в Сибирь. Дело в том, что до середины XVIII в. именно такая кара ждала псевдомонархов, не отнесённых официально к «умовреженным»⁵⁰.

2. «*Прямой потомок царя Александра Македонского, помазанник божий*» [перед 10 августа – после 1 сентября 1665] – Андрей Николаев (Миколаев, Микулаев) сын, по прозвищу Греченин, османский подданный на российской службе.

Судя по всему, самозванец «проявился» в июле или начале августа 1665 г. в Путивле перед местным жителем А. Некрасовым, которому он заказал составить челобитную на имя царя. При работе над ней А. Николаев попросил включить в текст «заповедь» его отца, который перед смертью будто бы «велел сказат... великому государю, что де мы – царского колена царя Александра Макидонского». Было написано два черновых варианта челобитной, но по каким-то причинам работа была прервана. А. Николаев обратился к другому писцу – дьячку С. Яковлеву, которого, естественно, также посвятил в свою тайну. Очередное «разглашение» состоялось 10 августа, когда написанный дьячком третий, беловой вариант челобитной был подан воеводе М. С. Волынскому. Сразу после этого самозванца «отдали за пристава», его сообщников-писцов посадили в тюрьму «до государева указу», а все изъятые у А. Николаева бумаги вместе с поданной им челобитной отправлены в Москву.

Данные о биографии самозванца весьма скудные – лишь по челобитной и её черновикам возможно судить о его предыдущей жизни. Если верить ему, то он родился в Греции, а после смерти отца по велению последнего в 7138 (1629/1630) г. «прибрёл» в Российское государство. По пути в Москву он «пристал на дороге в Литовской стороне к греченину к Дмитрею Иванову сыну Палилогу, и ево ж, Дмитрея, тово ж году... саслали в Казан за опалу», а вместе с ним – «напрасно» – и А. Николаева. В ссылке будущий лжемонарх «живот свой мучил тритцет лет» – «терпел многое время всякие нужи и скитался меж двор».

⁴⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13 (Столбцы Приказного стола). Д. 152. Л. 61–65.

⁵⁰ См.: *Усенко О. Г.* Кто такой «самозванец»? С. 44.

В 7169 (1660/1661) г. он подал в Казани челобитную «о своей нужи», где якобы впервые и возвестил, что он – прямой потомок Александра Македонского. Вряд ли так было на самом деле, поскольку его арестовали бы уже тогда. Как бы то ни было, вскоре его жизнь изменилась. Николаева «верстали в Ыноземской список» и послали на службу (видимо, толмачом или переводчиком) «к Москве в полк к боярину и воеводам князю Ивану Ивановичю Лобанову-Ростовскому с товарищи», после чего он «был на... государеве службе в Путивле». Но там он «захворал» и какое-то время был «скорбен», т. е., вероятно, находился в умопомешательстве. Не исключено, что именно в этот период им овладела идея-фикс о его прямом родстве с легендарным царём, но ею он пока ни с кем не делился. Когда же, по мнению окружающих, А. Николаев «обмогся», тогдашний воевода князь Ю. Н. Морткин взял его «в съезжую избу в толмачи» и приказал давать ему из казны «подейной корм по гривне на ден». Однако в начале 1665 г. он уже опять скитался «меж двор», т. к. его лишили должности и «корма»⁵¹.

Можно предположить, что это сделал новый воевода М. С. Волинский, а основанием, вполне вероятно, стал вторичный приступ умопомешательства у А. Николаева. Хотя в «отписке» воеводы царю нет слов о том, что самозванец безумен, тем не менее такая версия кажется логичной, поскольку иначе трудно объяснить, почему А. Николаева не «расспросили», как это обычно делалось в подобных случаях – случаях, связанных со «словом и делом государевым».

Самозванец обосновывал свои притязания тем, что якобы ему поверили другие греки, живущие в Путивле, а также греческий митрополит Макарий, с которым-де он встретился в сентябре 1664 г., когда тот ехал в Москву: В своей челобитной, обращаясь к царю, А. Николаев пишет об этом так: «И он, Макарей дмитрополит, доведася про меня, холопа твоево, от греков, что я, холоп твой, царского колена, и меня взял к себе, роспрашивал в духовне по Христове евангелской заповеде: "Тово ли де ты царского колена – царя Александра Макидонского?" И я ему сказал отца своево слово ево и благословенье, что он сказывал мне – тово царского колена царя Александра Макидонского. И он, дмитрополит Макарей, скаску мою в духовне к себе взял и хотел тебе, великому государю, на Москве подат». При этом «случилос грек много, и слышели мою исповедь, и те все греки прилажили руки свои, что истинно правда»⁵².

⁵¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12 (Столбцы Белгородского стола). Д. 576. Л. 299–306 об.

⁵² Там же. Л. 301, 304, 306.

Верить этому нельзя. Дело не только в том, что с подачи самозванца исповедь – уже не сокровенное общение двух людей, а некое публичное представление. Сомнения подкрепляются фразой из воеводской «отписки», что «писма греческим писмом», изъятые у самозванца, в Путивле «перевесть некому», а также тем обстоятельством, что никаких «сказок» в Москве никто из греческих иерархов не подавал⁵³.

Кстати, вышеуказанные «писма» состоят из двух экземпляров греческой азбуки, двух молитв на греческом и латинском языках, четырёх отдельно зафиксированных мыслей, «откровения» от имени различных святых и составленного якобы митрополитом Макарием «исповедания». Почти все немолитвенные тексты сумбурны и не совсем понятны⁵⁴. Думается, что переводчик здесь не виноват – эти тексты явно писались человеком, у

которого не всё в порядке с психикой. Исключением является приписка под одним из вариантов греческого алфавита, автором которой был, наверное, один из учителей самозванца: «И боля сего подобает бить Андрееву жопу, чтоб он изучился разуму, понеже он ест глуп и разуму не имеет»⁵⁵.

Стоит привести цитаты из «писем», характеризующие самооценку лжемонарха. Вот отрывок из «откровения»: «Божественное письмо от Бога ест ко Андрею, что рен (sic!) Макидонский во лбу ево ево (sic!) ест. <...> Тако и мы, учителя, видели у нево вся (осия?) стаит, хочеси увидети во лбу ево: первое убо покой творения Божия, а второе царствия человеческого хочет быти страх Божий. Восток и запад а тят далфа (sic!) в ладони его – толкуетца Христово похождения праведное, а хто станет честь которой учител, да растолкует сия лутчи меня. Сие [е]ст помазания Христова, от Бога помазан...»

В «исповедании» выделим следующую запись: «Яз, Калинин Костентинов, руку приложил в Макария митрополита ко исповеданию. Господин Андрей пребывает в Путивле, и дают ему запрещение, и прихотят всякой греченин пребывати инока. Да не учините для спасенья своего, чтоб ему получит благоприятия»⁵⁶.

К сожалению, окончание следственного дела (документы, созданные после 1 сентября 1665 г.) не найдено, поэтому можно лишь догадываться о дальнейшей судьбе А. Николаева. Скорее всего, он был отправлен в монастырь «под начал до исправления

⁵³ Там же. Л. 299, 318.

⁵⁴ См. там же. Л. 307–313, 319–324.

⁵⁵ Там же. Л. 323.

⁵⁶ Там же. Л. 320, 322.

в уме», т. к. именно такое наказание до середины XVIII в. было типичным для лжемонархов-«безумцев»⁵⁷.

3. «Крымский хан» [между 14 сентября 1666 и концом августа 1667] – Тарас Авдеев сын Сизиков, драгун.

Странно, что этот самозванец не упоминается в научной литературе, ведь источники о нём были опубликованы ещё в 1959 и 1976 гг. Правда, сведения в них довольно скудные.

Из доноса драгуна Комарицкой волости (Севский у.) И. Глазунова на севского дьяка Л. Самсонова (29 января 1671 г.) мы узнаём: «Камарицкой волости драгун Тараска Сизиков при воеводе при Степане Бутикове воровал, назывался крымским ханом, и за то воровство он, Тараска, пойман и сослан к Москве, а с Москвы в Сибирь. И из Сибири де он, Тараска, ушол, был у вора Стеньки Разина. А ныне приехал от него, Стеньки, в Камарицкую волость и живёт, переходя, у драгуна у Лаврушки Кельина в деревне Дубках да у дьяка у Лукьяна на пруде в деревне Липнице тайно. Да с ним же пришол от него ж, вора, драгун Андрюшка Белаш, и принесли с собою суму воровских писем. Да они ж дьяку Лукьяну привели в подарках аргамак пег». На следствии, однако, выяснилось, что «тем всем дьяка Лукьяна Самсонова изветчик Ивашка Глазунов поклепал напрасно»⁵⁸.

Итак, из биографии Т. Сизикова нужно исключить сотрудничество с Л. Самсоновым. Остальной информации, по-видимому, можно доверять. Дополнить её позволяют архивные материалы о судьбе лжемонарха, его родных и оставшегося после него имущества (правда, здесь он фигурирует как Тарас Авдеев, причём о его преступлении не говорится).

Во-первых, мы можем приблизительно определить период самозванства Т. Сизикова. Стать лжемонархом ранее 14 сентября 1666 г. он вряд ли мог, т. к. именно тогда в Комарицкую волость прибыл «сыщик» С. Б. Бутиков, назначенный тамошним управителем⁵⁹. С другой стороны, 7 октября 1667 г. Тарас уже был привезён в Москву для ссылки в Сибирь

«на вечное житие»⁶⁰. Если учесть временные затраты на расследование, сопряжённое с отправлением в Москву «отписок» и ожиданием ответных указов (не меньше месяца), а также на дорогу из Путивля в столицу (не менее 10 дней), то получится, что самозванца схватили не позднее августа 1667 г.

⁵⁷ См.: Усенко О. Г. Кто такой «самозванец»? С. 44.

⁵⁸ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1959. Т. 2. Ч. 2. С. 201 (№ 161); М., 1976. Т. 4. С. 184 (№ 168).

⁵⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 14 (Столбцы Севского стола). Д. 222. Л. 77.

⁶⁰ Там же. Л. 354, 355 об.

[с. 134]

Во-вторых, вместе с ним по делу проходил Федот Иванов, тоже комарицкий драгун. Скорее всего, это был сообщник самозваного «крымского хана».

В-третьих, мы узнаём кое-что новое о реальной ипостаси Т. Сизикова. На момент ареста у него была жена и дети – три сына (один женат) и пять незамужних дочерей. Он был зажиточен: помимо двора, где имелось «всякое крестьянское рухлядишко и животишка», включая хлебные запасы и скот, у него была своя мельница. Наконец, он был, вероятно, жителем «Сечевского города Комарицкой волости», раз таковым именовал себя его старший сын⁶¹.

4. «Царь Пётр Алексеевич» [25 марта/начало апреля ? – 28 апреля 1690] – Терентий Прокофьев сын Чумаков, бродяга.

Примерно 5 мая 1690 г. в Москву пришла «отписка» смоленского воеводы Ф. И. Шаховского (от 28 апреля), который сообщил, что «в Смоленском уезде в маетности (вотчине. – О. У.) генерала-порутчика Дениса Швейковского (Швейковского. – О. У.) объявился вор рословец (житель г. Рославля. – О. У.) Терёшка Прокофьев», но был схвачен, «роспрошен» и «пытан накрепко». К посланию были приложены материалы предварительного следствия, а также запись «извета», из-за которого следствие и началось.

«Извет» был сделан в Смоленске 28 апреля 1690 г. посланным от генерала «задворным человеком» В. Васильевым. Он сообщил, что 26 апреля «привели в маетность к Денису Швейковскому в село Прудки того же села николской поп Викула да смоленской шляхтич Андрей Глинка незнамо какова человека, слыша от него непристойные слова. И тот де человек при нём, Денисе, говорил непристойные слова и называл себя, что де "я – царь Пётр Алексеевич". И он де, Денис, того человека велел сковать и, сковав, послал того человека в Смоленск с ним, Викторком, и с провожатыми»⁶².

В тот же день арестант предстал перед воеводой: «А тот вор Терёшка годами лет в полтретьятцать (25. – О. У.), ростом средней, волосом рус, ус проседает, бороду бреет, под щеками рубцы – знатно, была болезнь»⁶³.

«А в роспросе он сказал самые непристойные и великие слова: "Я де князь, что де болши ево на Москве нет, а имянем де Пётр Алексеев сын". А постояв, сказал: отец де ево – царь Алексей Михайлович, а он де сын ево – царь Пётр Алексеевич, и пошёл

⁶¹ Там же. Л. 353–355.

⁶² РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Ч. 2. Д. 4078 а. Л. 1, 2.

⁶³ Там же. Л. 8.

[с. 135]

де с Москвы тайно розсматривать земли своей и хто де что про них говорит, а на Москву де остался брат ево царь Иоанн Алексеевич. А пошёл де он с Москвы в нынешней Великой пост з Благовещениева дни (25 марта. – *О. У.*) сам-пят (с четырьмя попутчиками. – *О. У.*), и шли вместе до Можайска, а из Можайска пошли врознь: два человека пошли на Псков, а два человека пошли в черкасские (украинские. – *О. У.*) города, а он де пошёл на Смоленск. И шёл де он на Вязму, на Дорогобуж, на село Елню, а в тех де местех сказывался он прохожим человеком. А съ Елни де шёл он днями и сошёлся в Смоленском уезде в маестности Андрея Глинки в деревне Лучасе с попом, и тому де попу он про себя говорил те вышеписанные непристойные слова. И он де, поп, с Андреем Глинкою отвели ево к Денису Швыйковскому. И у Дениса де Швыйковского он про себя говорил те ж непристойные слова. И Денис де Швыйковской с человеком своим и со крестьяны прислал ево, сковав, в Смоленск»⁶⁴.

В ходе нового «роспроса» – «у пытки» – лжемонарх «сказался рословской посацкой человек, Терёшкою зовут Прокофьев сын Чюмакова, а отец де ево, Терёшкин, Пронка Остафьев сын умре, а мат де ево Анютка Никитина дочь и ныне в Рословле, кормитца работою своею. А к Москве де он, Терёшка, пошёл в нынешнем году с Рожества Христова, а на Москве де он бродил меж двор, а с Москвы де он сшёл з Благовещениева дни. А что де он назывался таким великим именем, и то де он чинил вне ума своего, и в той де ево вине, что он назывался таким великим именем, волны великие государи».

На пытке, судя по всему, Т. Чумакова спрашивали, кто его научил взять имя одного из «великих государей». В ответ «он, Терёшка, говорил: таким де великим именем называтца велели ему те вышеписанные товарищи ево четыре человека».

Вообще, в ходе следствия самозванец подробно описал своих спутников, назвал их имена и даже указал, кто где жил до встречи с ним и как зовут их жён. Он также сообщил, что те двое, которые пошли на Псков, – это «Федкины люди Шакловитого», и «буде де где их не задержат, быть им в Швецкой земле». Другие двое – это «князь Васил[ь]евы люди Голицына», и собирались-де они через «черкасские города» пройти «в Литву и в Цесарскую землю» (Священную Римскую империю. – *О. У.*). Однако «он у них слышал, что ис тех государств быть им опять к Москве». Кроме того, Т. Чумаков добавил: «А подлинно де они розошлись с ним в Можайску, а ево де, Терёшку, покинули для того, что де он, Терёшка, бугто глуп и приведёт де им беду»⁶⁵.

⁶⁴ Там же. Л. 3–4.

⁶⁵ Там же. Л. 4–7.

Вполне вероятно, что какие-то попутчики у самозванца были. Возможно также, что он им «разглашал» о себе, и потому-то они посчитали его «глупым» и решили уйти от греха подальше. Но проблема в том, что люди с именами и приметами, которые он указал, среди бывших крепостных В. В. Голицына и Ф. Л. Шакловитого не числились, равно и в тех слободах, где они якобы жили. Не было их и среди беглых, задержанных в Изборске⁶⁶. Но если всё же самозванец попутчикам открылся, то это было между 25 марта и началом апреля.

Как бы то ни было, 12 или 13 мая 1690 г. Т. Чумаков был отправлен из Смоленска в Москву, но 15 мая «на реке Днепре на Пнёвском перевозе умре». Видимо, сказались перенесённые им пытки. Смоленский воевода велел «ево, Терёшку, погреть в селе Пнёве от церкви и от кладбищ в далнем месте при сторонних многих людех»⁶⁷.

Мать его на следствии показала, что «сын де у неё, Анютки, Терёшка был, а от роду ему дватцать шесть лет, и в Рословле скитался промеж двор, и написан был в стрелецкую службу. И из Рословля сшол [не]ведомо куды нынешние зимы, а в [котором] месяце и числе, того она не упомнит, потому что в тех числех была она бол[на]. А где де ныне сын её,

Анюткин, Терёшка, и было л за ним какое воровство и воровские какие товарищи, и в совершенном ли он в разуме, того де она не ведает». Она признала в уже умершем арестанте своего сына и дала ему такую характеристику: «А был де он, Терёшка, зерщик и бражник и пропойца, и её де, мать свою, бивал, и за воровс[тво] он, Терёшка, бит в Рословле кнутом, и была де на нём, Терёшке, падучая болезнь, и временем де он и в уме м[утил]ся»⁶⁸.

Итого на территории Российского государства в 1601–1700 гг. действовали 29 лжемонархов, из которых 16 чел. (55%) были детьми Смутного времени.

Поступила в редакцию
15.09.2005

⁶⁶ См. там же. Л. 9–10, 28, 52–67.

⁶⁷ Там же. Л. 30–32.

⁶⁸ Там же. Л. 31, 41–42.